

*Каждому ребенку, лишенному любви,
безопасности и покоя в родном доме,
особенно Джону и Кену*

Пролог

ДЖОЙ И ДЖОРДЖ

1983 год

Едва он умирает, комната взрывается жизнью.

Я вскакиваю, открываю ящики, выкидываю оттуда трусы, майки, носки с уродливыми протертостями на пальцах.

Наверное, чересчур спешу, ну и ладно... Плевать.

Почему я не занялась этим раньше, зачем ждала до конца?

Где же?.. Не могу найти.

Вот бы позвонить Марку (хотя, конечно, нельзя) и крикнуть:

— Он умер! Умер! Ты знаешь, где искать?

Марк ответил бы:

— На гвозде.

— На гвозде? — переспросила бы я. — Каком гвозде?

— В шкафу.

Распахиваю единственную дверцу шкафа и смотрю на висящую внутри одежду. Тринадцать комплектов — он развешивал их с маниакальной тщательностью и надевал столько раз, что вещи приобрели очертания фигуры. Тринадцать обликов моего отца.

Достаю их один за другим, швыряю на пол.

Папа — церковный старейшина, дольше всех пробывший на этом посту.

Папа в огороде.

Папа производит нужное впечатление на банкира.

Папа играет в шары.

Папа рыбачит.

Папа чинит забор.

Папа убивает очередную Рут. Я останавливаюсь. Множество кур за множество лет, каждую звали Рут, каждую он обезглавливал на колоде для рубки дров. Бросаю «папу, убивающего очередную Рут» под ноги и продолжаю.

Папа молится с мистером и миссис Боскомб о пропавшей Венди. Бедная Венди Боскомб. Рут верно говорила, что ни Венди, ни ее куклу так и не найдут.

Папа играет в музыкальной группе.

Папа на заседании общественного комитета.

Папа на уроках Библии.

Папа доит коров.

Папа — судья в матче по австралийскому футболу. Белые брюки, белая рубашка, длинный белый пиджак. Современный ангел. На самой дальней вешалке.

Ныряю рукой в темноту — ладонь натывается на что-то острое. Заглядываю внутрь. Вот он. Одинокий гвоздь, вбитый в деревянную стенку. На гвозде висит ремень.

Один ремень. И десять тысяч багровых криков.

Я вижу, как отец отодвигает свои наряды-личины, достает ремень, не слыша прошлых криков. Позже вешает его на место — бережно, с маниакальной аккуратностью. Не слыша криков новых.

Снимаю ремень с гвоздя, держу в руке.

Простой фермерский ремень. Минутку — хочу уточнить. Не ремень простого фермера, а простой ремень, который принадлежит фермеру. Поправка: принадлежал. Прошедшее время, восхитительное на вкус.

Ремень изготовлен из гладкой черной кожи, имеет серебристую пряжку с серебристым язычком.

Так его описали бы, скажем, на судебном разбирательстве по уголовному делу. Но это дало бы представление лишь о внешнем виде. Адвокату правильнее было бы сказать, подчеркивая определенные слова, делая красноречивые паузы и жестикулируя:

— Да, господа присяжные, обыкновенный, простой фермерский ремень. Я же, с вашего позволения, поведаю о том, чего вы при взгляде на этот предмет не увидите. Перед вами ремень длиной в тридцать пять лет и шириной в двоих детей. Из каждой его поры сочится кровь. Детская кровь. Проведите по нему пальцами — и ощутите не кожу, а боль. Поднесите к носу — и вдохните

запах не кожи, а страха. Сложите пополам — и услышите не скрип кожи, а крики детей.

Люди на галерке ахнули бы, присяжные в ужасе закачали бы головами.

Дойди дело до суда.

Ремень впервые у меня в руках. Я, конечно, видела его раньше. Слышала сотни раз... когда он рассекал надо мной воздух. Ощущала — ровно столько же раз. Но теперь ремень держу я, а на кровати лежит отец, тихий и испуганный.

Он ведь испуган? Пришел его час.

Подношу ремень к лицу. Адвокат прав. Запах страха жжет ноздри.

Иду к кровати. Лицо у отца желтовато-серое.

Я разглядываю вещи на древней прикроватной тумбочке: пустые пузырьки из-под таблеток; тонкое синее полотенце для лица, испачканное слезью и кровью; детская чашка-непроливайка, которую он под конец не мог даже поднести к губам; бутылочка «Пассионы» с остатками желтой безалкогольной шипучки: отец очень ее просил, потому что она напоминала ему о Рождестве и лете, а еще потому, что во рту у него было противно — сухо и липко.

Я специально поехала за «Пассионой» в город и купила целых восемь бутылок. Вот уж правда — подлая грешница.

В ногах кровати лежит местная газета. Ее тоже купила я. Отец изо дня в день читал одну и ту же страницу и предавался отчаянию, когда сквозь туман деменции узнавал имена умерших на прошедшей неделе людей. Вернее, читала ему я.

— Папа, я принесла газету. Послушаешь некрологи?

Откидываю оранжевые одеяла, смотрю на худое тело, щуплое и сиротливое, но целомудренно прикрытое от стыда синей пижамой. Мне такого счастья никогда не выпадало.

Пришло время мести.

Стиснув заостренный конец ремня в правой ладони, я заносу руку; ремень повисает за спиной, прикосновение пряжки к бедру неприятно. Нет, неудобно. Подтягиваю хвост левой рукой, пока пряжка не поднимается до середины спины. Так лучше. С широко раскрытыми глазами я описываю рукой дугу, опускаю ремень — и считаю, как всегда делал отец.

— *Один... поверь... два... мне... три... сейчас... четыре... больше... пять... чем тебе... шесть.*

Он не кричит: «Не надо, не надо, пожалуйста, не надо!» — потому что разговаривать запрещено.

Досчитываю до пятнадцати, перемежая цифры словами, которые до сих пор помню наизусть. Под конец без сил падаю в кресло у кровати. Кто бы мог подумать, что это настолько утомительно?

Мой взгляд прикован к некрологам, превратившимся в бумажную кашу. Каждая фамилия, каждое имя, все возлюбленные мужа/жены/сыновья/дочери/матери/отцы исхлестаны в клочья, но молчаливое неподвижное тело отца нетронуто. Я была абсолютно уверена в своей способности сотворить с его мертвым телом то, что он вытворял с нашими живыми — а вот поди ж ты... Отец был прав — от меня никакого толку.

Зато в следующем выпуске газеты я вдоволь начитаюсь некрологов. Все будут начинаться с «ХЕНДЕРСОН, Джордж».

Я и сама подам объявления в каждую газету Австралии, чтобы Марк наверняка прочел и приехал на похороны. Чтобы мы воссоединились.

Ремень, оказывается, по-прежнему зажат в моей ладони.

* * *

Ровно в восемь направляюсь из своей спальни в кухню, где обычно ждет Рут. Я сообщу, что он умер, и для нее все закончится. Она уйдет. Я знала, что Рут будет рядом лишь до его смерти.

Однако в кухне никого нет.

Нахмурившись, мысленно рекомендую себе сохранять спокойствие и иду в большую комнату — нужно сделать несколько звонков. Передвигаю закладку-ползунок старого телефонного справочника на букву «Б». В больнице советуют позвонить доктору отца.

Закрываю справочник и перемещаю закладку ниже, на букву «Д». Вот — доктор Купер, Вики. Она обещает выехать немедленно и быть у меня примерно в девять. Я хочу сказать: «Не спешите» — но лишь выдавливаю сквозь горькие слезы: «Спасибо».

Едем вниз, буква «Х», Хендерсон. Вдова папиного брата всхлипывает. «Не плачь, тетя Роза, — вертится у меня на языке. — Это самый счастливый день в моей жизни». Тетя говорит, что приедет завтра.

— Не надо. Не переживай, я обо всем позабочусь и сообщу, когда похороны. Да, обнаружила его утром, когда проснулась, с пол часа назад. Нет, не мучился... он принимал очень хорошие обезболивающие, ты же знаешь. Пока, тетя Роза. Да, обязательно, пока.

Опять вверх, назад на букву «Б», ищем «Блэкхэнт газетт». Диктую по телефону первый некролог о ХЕНДЕРСОНЕ, Джордже. Дерек на другом конце провода вносит предложение. Я отвечаю:

— Нет, спасибо.

Дерек вносит другое предложение. После недолго молчания я говорю:

— Нет, я знаю, что делаю, ясно?

Он морщится и закатывает глаза. Непременно морщится и закатывает. Перечитывает мне некролог.

— Супер, — говорит (слишком протяжно, на мой вкус; «р» напоминает звон треугольника). — Почти две строки, такса два доллара двадцать один цент за строку или часть таковой, выходит четыре сорок два, оплатить следует в течение двадцати восьми дней. Успеете в завтрашний выпуск. Благодарю, мисс Хендерсон, и мои искренние соболезнования.

Да уж, супер.

Является Вики, делает скорбное лицо и выражает сочувствие. Она, в отличие от Дерекы, мастерски придает голосу нужные интонации. Вскинув брови, перешагивает газетные клочки, щупает холодное запястье отца, после чего объявляет его мертвым.

Для этого нужно учиться в университете?

В кухне мы садимся за старый стол. Вики задает вопросы, записывает мои ответы в верхней части бланка на планшете с зажимом. Затем смотрит мне в глаза.

— Ладненько... — Голос у нее по обыкновению жизнерадостный-как-лимонный-пирог-с-меренгой.

Сейчас наверняка попросит отдать оставшиеся таблетки. Я уже мысленно шепчу Рут: «Что я тебе говорила!» — но вдруг слышу:

— Марк и Рут вам помогут?

От удивления выпаливаю:

— Рут — нет. Она разве здесь? Я ее с самого утра не видела.

Слова срываются с языка, и я понимаю, что произносить их не стоило. Это лишь все осложнит. Тут же начинаю плакать. В конце концов, я — горящая дочь и обеспокоенная, хотя и раздосадованная, сестра.

— Ладненко, — повторяет Вики уже не-столь-жизнерадостным голосом.

Я украдкой бросаю взгляд на то, что она написала, но не могу разобрать ни слова.

— Не знаю, знакомы ли вы с процедурой, но поскольку он умер... скажем так, внезапно... в своем доме и поскольку ваша сестра уехала... внезапно... нужно известить полицию. Я позвоню им, если хотите.

На самом деле Вики подразумевает «хотите вы того или нет», поэтому я машу в сторону большой комнаты, где стоит телефон. Пока Вики звонит, я сижу в кухне и гадаю, что с Рут. Черт бы ее побрал, угораздило же ее исчезнуть так сразу!

Закончив разговор, Вики плюхается рядом со мной.

— Коп выехал. Славный мальчик. Алекс Шепард. Живет здесь всю жизнь, по-моему.

Киваю, будто имя ни о чем мне не говорит. Хотя, если честно, я немного растеряна.

— Я еще взяла на себя смелость позвонить Даннам, — сообщает Вики. — Определенно лучшее похоронное бюро в округе. И единственное. — Она ухмыляется собственной шутке.

Я слабо улыбаюсь в ответ. Вики продолжает:

— Пока ждем Шепарда, вы бы позвонили священнику, милочка.

Возвращаюсь к телефонному справочнику, передвигаю закладку на «Б», нужного имени не нахожу, зато на «П» обнаруживаю Брейтуэйта Алистера (преподобного). Предлагаю вторник, с последующим чаем и булочками. Возможно, с долькой-другой лимона. В ответ слышу, что вторник — слишком рано, будет очень много людей, и Ассоциации сельских женщин нужно больше времени на подготовку, даже если это просто чай с булочками. И лимонными дольками, напоминаю я.

Собеседник пускается в одностороннюю дискуссию о псалмах и молитвах для службы; я же не могу думать ни о чем, кроме «будет очень много людей». Мы оба знаем, что придет около двух тысяч, плюс-минус. Да-да, верно, сотни людей заполнят церковь, которая затрещит по всем священным швам, а затем выплеснутся в актовый зал, куда мы с Фелисити ходили в воскресную школу.

Словно прочитав мои мысли, Брейтуэйт Алистер (преподобный) говорит, что установит для людей в зале колонки и теле-

экран и что женщины из Ассоциации накроют чай с булочками — и долька лимона — там же, в зале. Я сразу представляю: все эти люди, один за другим, будут хватать меня за руку и рассказывать, как они убиты горем, как сильно сочувствуют моей ужасной-преужасной утрате...

Однако готова поспорить, никто даже не упомянет Марка. Или Рут.

Мы наконец прощаемся. Скоро приедет полиция, нужно взять себя в руки. То есть обуздать воображение. *Обуздать*. Роскошное слово... Думаю о нем, и в голове расцветает образ — мягкая, податливая сфера оранжевого цвета, из которой вырезан треугольный сегмент. На мгновение уступаю блаженству, затем собираюсь с мыслями. В последнее время, о чем я обязательно напомню Рут, мой самоконтроль выше всяких похвал. Ах да, она ведь исчезла...

Пока ждем полицию, я завариваю чай и повторяю себе — скоро все кончится, надо только пережить следующие несколько дней, а дальше... покой. Больше не придется разговаривать с Рут, видеть ее в неизменном кресле. Я заживу *своей* жизнью — теперь уже по-настоящему — и никогда не вернусь в этот ветхий склад воспоминаний.

Разливаю чай. Вики щебечет о проблемах какого-то пациента — отвлекает меня от скорби, надо полагать. Через определенные интервалы я хмурюсь и качаю головой, а сама думаю — скоро гробовщик из бюро Даннов в гробовой тишине погребет моего отца в сырой земле. Представляю катафалк (употребляют ли сейчас это слово?), который совершает свой траурный путь по подъездной дорожке, — и делаю выбор в пользу кремации. В качестве подготовки отца к его следующему и последнему пункту назначения.

Вики щебечет, не забывая макать в чай печенье миссис Ларсен и шумно прихлебывать; я же размышляю над разговором, который состоится у меня с мистером Данном через несколько дней.

«Мистер Данн, — мысленно репетирую я. — Мне хотелось бы положить кое-что в гроб вместе с отцом».

Опускаю на стол между нами мешок из грубой ткани. Мистер Данн удивленно его разглядывает.

«Пожалуйста, — прошу голосом дочери, убитой горем. — Отцу это очень дорого».

Тыльной стороной левой ладони смахиваю слезу с левого глаза, затем с правого.

«Однако, — произносит мистер Данн, — уже поздно. Все подготовлено. К тому же это очень... необычно».

Ха! Господин гробовщик считает меня душой. Маленькой, покладистой девочкой-женщиной, которую следует поставить на место. Наверное, он знал отца. Черт, возможно, они вместе играли в шары или молились. Или и то, и другое.

Прежняя Джой пробормотала бы извинения и тихонько ретировалась, забрав мешок с отцовским ремнем. Ведь прежняя Джой позволяла отцу и людям вроде мистера Данна командовать собой, подчинялась им беспрекословно — а у самой в животе извивались противные склизкие угри, которые с каждой секундой жирнели и наливались чернотой.

Однако прежней Джой, молчаливой слушательницы, больше нет, а новая Джой смотрит мистеру Данну в глаза и отвечает:

«Вам нужно только поднять крышку и положить мешок в гроб. Меньше тридцати секунд. Поздно было бы, если бы отца уже кремировали, а так — нет, правда?»

Новая Джой улыбается и придвигает мешок к мистеру Данну. Тот хватает подношение, встряхивает, словно оценивает плату за перевес багажа, которую придется отдать святому Петру. Или Церберу.

«Да. Разумеется. Для вашего любимого отца — все, что пожелаете».

Изо рта мистера Данна сочится сарказм, но мне плевать.

«А теперь... — Гробовщик встает. — Прошу извинить, мисс Хендерсон, меня ждет несколько неотложных дел. — Он держит мешок подальше, в вытянутой руке, будто внутри полно шипящих хорьков. — Это — дело первое». — И направляется к двери за спиной.

«Минуточку, мистер Данн. Еще одно».

Он медленно поворачивается, на лице высечена улыбка.

«Да?»

«Вот. Туда же». — Я достаю из кармана небольшой предмет, кладу его на обитую кожей книгу для записей.

«Что это?» — спрашивает мистер Данн.

Я притворно удивляюсь его неведению.

«Это? Последний гвоздь в крышку гроба».

ЧАСТЬ I

Глава 1

ДЖОРДЖ И ГВЕН

Июнь 1942 года

Он устремился напрямик туда, где стояли Гвен с подругами, терзали пояса, перчатки и шляпки.

— Прошу прощения, дамы.

Дамы захихикали и сгрудились плотнее, точно куры: взгляды искоса, в глазах — жгучее любопытство.

Он улыбнулся Гвен, чуть склонил голову.

— Джордж Хендерсон. Разрешите пригласить вас на танец?

— Так ведь... играть еще не начали. — Гвен указала на оркестр, который устраивался на сцене.

— Когда начнут. — Джордж улыбнулся шире, не отводя взгляда от Гвен.

— Ну хорошо. — Она не удержалась от ответной улыбки.

— Благодарю. — Джордж, по-прежнему улыбаясь, сделал шаг назад. — Дамы. — Легонько кивнул им и вернулся к своему стулу неподалеку.

Девушки наблюдали за молодым человеком, хихикали, шептались: «Разрешите пригласить вас на танец?», «Когда начнут».

Гвен на них шикала, тоже со смехом, но ей было приятно, что Джордж выбрал ее.

— Красавчик, — заключила Джин.

Гвен согласилась, отметив про себя и густые черные волосы, зачесанные наверх ото лба стильной волной, и пронизательные глаза, и правильные черты лица. К тому же кавалер был не меньше шести футов росту и довольно прилично одет, несмотря на